

Мухина Юлия Юрьевна

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПОРЯДОК СЛУЖБЫ МОСКОВСКОГО И ВЫБОРНОГО ДВОРЯНСТВА В КОНЦЕ XVI - НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

В данной статье рассматриваются организация и порядок службы московского и выборного дворянства в конце XVI - начале XVII веков. Прослеживаются изменения численности и состава московского и выборного дворянства на основе сравнения боярских списков разных лет. Учитывается изменение положения выборного дворянства в начале XVII столетия. В статье рассматриваются ранее не изученные аспекты: социальное происхождение московского дворянства (их принадлежность к боярским или небоярским родам); принцип комплектации выборных дворян.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. С. 141-144. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Теория согласия Р. Шифф вызвала достаточно оживленную полемику между специалистами по гражданско-военным отношениям. Р. Уэллс обвинил Р. Шифф в том, что она желает разрушить и дискредитировать теорию С. Хантингтона: «В сущности, Шифф права в своей вере в необходимость пересмотра теории гражданско-военных отношений... Ее проблема заключается в явном намерении разрушить или дискредитировать старую теорию, разбив новое понятие – согласие» [6, р. 273]. П. Фивер заметил, что Р. Шифф отвергает разделение гражданских и военных институтов, предложенное С. Хантингтоном, но в то же время ее теория согласия «сама основана на аналитическом различии: она рассматривает вооруженные силы как отличные и от политического руководства, и от граждан» [2, р. 169]. В свою очередь, Р. Шифф достаточно резко охарактеризовала теоретический подход П. Фивера, основанный на методологии рационального выбора. По ее мнению, эта теория «поразительно похожа на старую теорию разделения», к тому же «исходит из рассмотрения одного-единственного случая: США после Второй мировой войны» [5, р. 34]. Но главным ее недостатком является само обращение к теории рационального выбора. По мнению Р. Шифф, приверженцы этой теории думают не о людях, а о «выдуманных или сконструированных индивидуумах» [Ibidem].

Список литературы

1. **Aydinly E.** Is Prerogatives Approach Obsolete? A Reconsideration of Civil-Military Relations Theories [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cda-cdai.ca/cdai/uploads/cdai/2009/04/audinli1.pdf> (дата обращения: 20.05.2011).
2. **Feaver P. D.** The Civil-Military Problematic: Huntington, Janowitz and the Question of Civilian Control // *Armed Forces & Society*. 1996. Vol. 23. № 2. P. 149-178.
3. **Huntington S. P.** The Soldier and the State; the Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambr. (Mass.): Belknap Press of Harvard Univ. Pr., 1957. 534 p.
4. **Schiff R. L.** Civil-Military Relations Reconsidered: a Theory of Concordance // *Armed Forces & Society*. 1995. Vol. 22. № 1. P. 7-24.
5. **Schiff R. L.** The Military and Domestic Politics: a Concordance Theory of Civil-Military Relations. N. Y.: Routledge, 2008. 173 p.
6. **Wells R. S.** The Theory of Concordance in Civil / Military Relations: a Commentary // *Armed Forces & Society*. 1996. № 23. Winter. P. 269-275.

R. SCHIFF'S "THEORY OF CONCORDANCE" IN CIVIL-MILITARY RELATIONS

Rim Shagalievich Mustaeu, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Department of Physical Education
Tatar State Classical-Pedagogical University
rim-mustaeu@rambler.ru

The author analyzes R. Schiff's conception of civil-military relations known as "Theory of Concordance", considers its key points and emphasizes that concordance theory essence is the ability of elites, army and population to reach consensus on the following points: social structure of officers; political decisions making process; way of recruitment for the army; military style.

Key words and phrases: civil control; military-civil relations; Theory of Concordance.

УДК 93

В данной статье рассматриваются организация и порядок службы московского и выборного дворянства в конце XVI – начале XVII веков. Прослеживаются изменения численности и состава московского и выборного дворянства на основе сравнения боярских списков разных лет. Учитывается изменение положения выборного дворянства в начале XVII столетия. В статье рассматриваются ранее не изученные аспекты: социальное происхождение московского дворянства (их принадлежность к боярским или небоярским родам); принцип комплектации выборных дворян.

Ключевые слова и фразы: московское и выборное дворянство; дети боярские; боярский список; роспись войска; десятина; дяки; жильцы; стряпчие.

Юлия Юрьевна Мухина

Кафедра отечественной истории

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова

mukhina1984@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПОРЯДОК СЛУЖБЫ МОСКОВСКОГО И ВЫБОРНОГО ДВОРЯНСТВА В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА[©]

Вопросы изучения социальной структуры общества принадлежат к числу наиболее сложных в истории. Одна из важнейших задач, которая стоит перед исследователем данной темы, заключается в анализе основных

источников по истории сословий и, в частности, по истории дворянства: боярских списков, десятиен, войсковых росписей.

Русские феодалы к началу XVII века делились на две неравные группы. Подавляющее большинство из них входило в местные служилые организации – провинциальные отряды детей боярских (или, по терминологии того времени, служило «с городом»), их состав учитывался в десятинях [5, д. 12, л. 55-59]. Меньшинство получало назначения непосредственно из центральных учреждений и составляло ближайшее дворцовое окружение царя [7, с. 16-17]. Представители этого меньшинства в последней четверти XVI – начале XVII вв. от тысячи до полутора тысяч человек занимали все наиболее значительные военные, гражданские и придворные должности и составляли так называемый «государев двор» [8, с. 30-31]. Чиновная группа государева двора постепенно оформилась в XVI веке: из массы детей боярских выделилось столичное и выборное дворянство. Это событие в истории двора отражено в боярских и прочих чиновных списках [1, с. 195]. Служебные назначения московских дворян были самыми разнообразными: они служили в городах и полках, а во время крупных государевых походов составляли отряды голов и есаулов и охраняли царский стан, являлись судьями в московских приказах, отправлялись послами за границу, участвовали в дворцовых церемониях, посольских приемах. Они также были «объезжими» головами в Москве (для охраны порядка), производили описание уездов, верстание на службу городовых детей боярских. В XVII веке московские дворяне служили по «половинам»: одновременно одна часть из них находилась в Москве, другая – «в отпуске», а третья – «по службам». Затем в течение года они менялись: «отпускная» часть предыдущего «наличного» списка ложилась в основу «московской» части последующего списка, а «московская» часть – в основу «отпускной» и т.д. [10, с. 138]. По всей вероятности, такой порядок существовал и в XVI веке. В «московском», по определению А. Л. Станиславского, т.е. зафиксировавшем ту часть дворовых, которая несла службу в столице, боярском списке 1598/99 года записано всего 85 московских дворян – менее половины их общего числа.

По своему составу московские дворяне в подавляющем большинстве принадлежали к боярско-княжеской аристократии. Всего в боярском списке 1588/89 года значится 174 дворянина [1, с. 134].

Изменение численности московских дворян после 1588/89 года проследить трудно: в боярском списке 1598/99 года зафиксирована лишь часть представителей этого чина. Не сохранился перечень дворян в боярском списке 1602/03 года. Всего, по данным боярских списков, росписи войска 1604 года и других источников, в чине московского дворянина служили 246 человек [Там же, с. 137]. Из них 76% лиц (184 человека) являлись представителями княжеско-боярской аристократии (такой же примерно процент и при анализе перечня дворян по списку 1588/89 года) [Там же, с. 138]. Хотя приведенные списки московских дворян не являются исчерпывающими, все же они достаточны для общего вывода о том, что социальный состав дворян за время правления Федора Ивановича и Бориса Годунова не претерпел существенных изменений. Из представителей небоярских родов после 1588/89 года в состав московского дворянства вошло лишь 19 человек [Там же, с. 139].

Не удастся проследить сколько-нибудь заметного возрастания численности московских дворян с 1588/89 года до конца царствования Бориса Годунова. Следует сослаться на отсутствие полных перечней представителей этого чина после 1588/89 года, но и те материалы боярских списков конца XVI – начала XVII вв., включая и позднейшие списки 1606/07 и 1610/11 годов, которые имеются в наличии в сочетании с данными разрядных книг, позволяют выявить основную часть дворян московских. Можно полагать, что в конце XVI – начале XVII века численность московского дворянства не увеличилась [Там же, с. 140].

В отличие, скажем, от стольников московские дворяне были людьми зрелого возраста. Этого требовал сам характер их служебных назначений. Представители знати, дети и родственники бояр и окольничих, как правило, попадали в московские дворяне из стольников. Следует отметить такие фамилии, как И. Ф. Басманов, М. Б. Бутурлин, Б. С. Сабуров, И. А. Татев и т.д. [5, д. 45, л. 72-77].

Как отмечает С. М. Соловьев, московские дворяне были главным резервом пополнения Боярской думы. Подавляющее большинство бояр и окольничих конца XVI – начала XVII века были пожалованы думными чинами из московских дворян: И. Ф. Басманов (в окольничие), И. М. Воротынский (из служилых князей в бояре), А. И. Хворостин (в окольничие), М. Г. Салтыков (в окольничие, затем в бояре) и т.д. [6, с. 24-25]. Что же касается выборных дворян, то это был самый многочисленный чин в Москве. В канун Смутного времени государеву службу несли (если учесть и неполноту боярского списка 1602/03 года, и росписи войска 1604 года) около 900 выборных дворян [1, с. 161]. Отчасти рост численности дворян объясняется увеличением к 1602/03 году числа городов, где оформилась эта чиновная группа. Но число дворян из этих новых (по сравнению с 1588/89 годом) городов составляло лишь около трех десятков. Рост числа выборных происходил, прежде всего, внутри старых городов.

В отличие от дворян московских, несших службу «с Москвы», выборные дворяне в списках государева двора писались по тем городам (уездам), где располагались их поместья [5, д. 46, л. 14-15].

Если об организации и порядке прохождения службы московских дворян можно судить по материалам XVII века, то для суждения о характере службы выборных дворян столь определенных и верных сведений нет. В московском боярском списке 1598/99 года значится немногим более сотни (110 человек выборных дворян из 35 уездов) [1, с. 162].

О призыве выборных дворян на московскую службу сообщает капитан отряда иностранных наемников Ж. Маржерет: «...кроме вышеназванных дворян, проживающих в Москве, избирают в каждом городе дворян, владеющих землями, которых называют “выборные дворяне города”» [3, с. 173].

А. Л. Станиславский, сравнив список выборных дворян, находившихся в Москве во время Серпуховского похода в мае-июне 1598 года, с боярским списком 1598/99 года, сделал наблюдение о том, что состав выборных дворян полностью обновился по сравнению с летом того же года. Можно предположить, что выборные дворяне так же, как и дворяне московские, служили по «половинам»: «московской», «отпускной» и т.д. [10, с. 139].

Выборные дворяне так же, как и дворяне московские, несли службу в разного рода «посылках» – служили воеводами в городах, писцами, послами и посланниками в иностранных государствах, строителями посадов и ямов и т.д. В 1588/89 году, согласно пометам боярского списка, около 100 человек служили в подобного рода «посылках». Судя по пометам боярских списков 1598/99 и 1602/03 годов, одновременно на московской и посылочной службе находилось не более трети (27-28%) всех выборных дворян. Трудно допустить, чтобы подавляющее число дворян выборного чина находилось в «отпусках». По всей вероятности, несли также службу вместе «с городом», т.е. вместе с детьми боярскими тех уездов, по которым они записаны в списках двора и в которых имели свои поместья [5, д. 12, л. 55-59]. Таким образом, можно полагать, что выборные дворяне чередовали службу в столице и в «посылках» со службой вместе «с городом» [9, с. 143]. Если московский дворянин в результате опалы мог оказаться в ряду детей боярских, то для выборного дворянина служба в рядах городских детей боярских была делом обычным.

На службе при дворе (в Москве и в «посылках») назначение выборных дворян ничем не отличалось от московских дворян. В отличие от дворян московских выборные дворяне значительно реже назначались «в именные послышки». Часто они служили отдельными отрядами. Отдельные отряды из городов, расписанные по полкам, значатся в росписи русского войска 1604 года. Так, в 1600-1601 гг. особые отряды (их подсчитывали отдельно от детей боярских) выборных дворян (от 34 до 94 человек) несли службу во вновь построенном Цареве Борисове городе [2, с. 23]. Московские же дворяне составляли так называемые «офицерские отряды», действовавшие лишь во время государственных походов [4, с. 365]. Большинство известных фамилий выборных дворян конца XVI – начала XVII веков вовсе не встречаются в разрядных книгах или же упомянуты в разрядах за период 1584-1605 годов всего только один раз. Из 680 выборных дворян, упомянутых в списке 1588/89 года, 295 человек не значатся в разрядах. Лишь некоторые наиболее видные из выборных дворян (например, кн. С. С. Гагарин, Ф. Б. Колтовский, И. А. Нащокин и др.) несли дворовую службу непрерывно, на протяжении многих лет [1, с. 163]. Сравнительно небольшое число выборных дворян конца XVI – начала XVII века назначались на воеводские должности, но несли службу на второстепенных воеводских должностях в городах, в «меньших» воеводах: в полках, на Украине. Как правило, это представители видных по происхождению и службе фамилий: Акинфовы, Измайловы, Милуковы и др. [5, д. 12, л. 55-59].

Значительная часть выборных дворян 1602-1604 гг. – это дети самих выборных дворян. Можно отметить высокую степень преемственности состава выборных дворян начала XVII века. Среди выборных дворян этого периода часто встречаются дети дьяков: С. Б. Верещагин, Д. Ю. и И. Ю. Мещерские, И. А. Замыцкий и др. Многие выборные дворяне 1602-1604 гг. перешли в этот чин из жильцов и таким образом миновали прохождение службы в рядах детей боярских.

К 1602/03 году в выборные за опалу были переведены некоторые стряпчие: кн. Н. П. Борятинский, А. И. и М. А. Пушкины и др. В состав выбора к началу XVII века перешли некоторые дьяки: А. В. Шерефединов, В. И. Тимашев и Р. И. Толмачев [9, с. 146]. Таким образом, видно, что подавляющее большинство (свыше 2/3) выборных начала XVII века – это лица, которые либо сами служили в 1580-1590-х гг. в выборных, жильцах, а также дьяках и стряпчих, либо являлись сыновьями выборных дворян и представителей иных чинов двора. Но и прочие лица в основной своей части не были в составе выбора 1602-1604 годов людьми новыми, случайными: чаще всего они принадлежали к тем же фамилиям, что и выборные дворяне конца XVI века. Сыновья выборных дворян, как правило, зачислялись в состав выбора сразу. В боярском списке 1598/99 года среди выборных по Рязани записан кн. С. Ф. Гагарин с пометой «98-ого новик»; в 1598/99 году он значится среди выборных дворян в походе на шведов [1, с. 164].

В боярских списках встречаются многочисленные указания на службу выборных с прожиточных поместий, упоминания о еще не верстанном поместном окладом выборных дворянах. Часто в документах записаны лица уменьшительными именами. Это объясняется тем, что иногда в состав выбора зачисляли сразу в молодом возрасте не только сыновей, но и племянников выборных дворян. Нередко юные дворяне несли службу вместе с отцами. В выбор зачислялись, правда, и лица, прошедшие службу в рядах детей боярских. Так, например, упомянутые в десятне 1577 года дети боярские И. С., М. П. и С. И. Норовы числились в выборных по Коломне. Но основная часть все же миновала службу в составе уездных корпораций [5, д. 12, л. 55-59]. Об этом косвенно свидетельствует то обстоятельство, что из 2400 новиков, поверстанных в 1596 году, лишь четверо (Г. Ф. Наумов, С. М. Игнатьев, Т. В. Морозов и С. Д. Яковлев) попали к 1605 году в число выборных дворян.

Итак, выборные городские дворяне представляли собой достаточно замкнутую группировку служилых людей, комплектовавшуюся в основном по принципу семейной преемственности. Но, с другой стороны, в служебном плане выборные дворяне (в отличие от дворян московских) не обособлялись от уездных корпораций, а постепенно оседали в своих уездах. В дальнейшем дворянство как московское, так и выборное примет активное участие в событиях Смутного времени начала XVII столетия.

Список литературы

1. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 года. М., 1979. Ч. 1.
2. Козьяков В. Н. Служилый город Московского государства XVII века. Ярославль, 2000.
3. Маржерет Ж. Состояние Российской державы и великого княжества Московского. М., 1980.
4. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смутного времени в Московском государстве. М., 1995.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 1. Кн. 9.
6. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII века. М., 2003.
7. Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М., 2001.
8. Скрынников Р. Г. Россия после опричнины: очерки политической и социальной истории. М., 1975.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1966. Т. VIII.
10. Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979.

MOSCOW AND ELECTIVE NOBILITY SERVICE ORGANIZATION AND ORDER AT THE END OF THE XVITH – THE BEGINNING OF THE XVIITH CENTURIES

Yuliya Yur'evna Mukhina

Department of Native History

Moscow State Classical University named after M. A. Sholokhov

mukhina1984@yandex.ru

The author considers Moscow and elective nobility service organization and order at the end of the XVIth – the beginning of the XVIIth centuries, traces the changes of the quantity and structure of Moscow and elective nobility on the basis of the comparison of the boyar lists of different years, takes into account the change of elective nobility status at the beginning of the XVIIth century and considers the aspects which haven't been studied so far: social origin of Moscow nobility (their belonging to boyar or non-boyar clans); elective nobility bundling principle.

Key words and phrases: Moscow and elective nobility; boyar children; boyar list; army list; hereditary service class list; clerks; tenants; attorneys.

УДК 008+130.2:91

В статье раскрывается содержание понятия «культурный ландшафт» как совокупности опыта, получаемой в ходе восприятия и переживания конкретного места. Также автором дается понятие «культурная среда», которая выступает как поле для формирования культурного ландшафта.

Ключевые слова и фразы: культурный ландшафт; культурная среда; переживание; восприятие.

Александра Валерьевна Никитина

Кафедра культурологии и философии

Казанский государственный университет культуры и искусств

dddasa@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА[©]

В географической науке под культурным ландшафтом понимается «сознательно измененный для практического использования ландшафт, постоянно поддерживаемый и охраняемый от неблагоприятного воздействия» [2]. Переход данного термина в культурологию был закономерен не только по причинам интегративного характера данной области знания, но и вследствие богатого смыслового потенциала самого понятия. В настоящее время он может использоваться для объяснения отношений культуры, человека и пространства.

Любая культура имеет свои пространственные измерения, которые выражаются не только в конкретно-физических координатах, но и в образах, появившихся вследствие ментального психического переживания человеком пространства. Опираясь на феноменологию восприятия М. Мерло-Понти, мы выдвигаем следующее определение культурного ландшафта: совокупность опыта, которую получает человек в ходе переживания культурной среды как пространственного поля культуры. Этот концепт оказывается достаточно продуктивным, так как наделяет ментальную, психическую и производящую жизнь человека фактом бытия в пространстве. «Отношение к месту является фундаментальной чертой человеческого существования», – отмечает Ю. А. Жердева [3, с. 273]. В. А. Подорога утверждает, что «мысль топологична, поскольку имеет место и без него немыслима» [5].

Культурный ландшафт – мягкий, податливый материал, он переливается сгустками значений и смыслов, которые впоследствии могут застыть в культурной среде. Он, как аура, окутывает культурную среду, придавая ей уникальность и самобытность. Для полноты картины рассмотрим понятие «культурная среда». Культурная среда